

Цетради ПО консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 2 2017]

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Ноябрь 2017 г.]

Тетради по консерватизму

{ № 2 2017 г. }

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2017

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадковский, А.Д. Воскресенский, А.Ю. Зудин,
А.А. Иванов, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков,
Р.В. Михайлов (гл. редактор), Е.Н. Мощелков, Л.В. Поляков (председатель),
М.В. Ремизов, А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017. – 180 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму», выходящий на фоне 100-летия революции 1917 года, посвящен анатомии революционной идеи в Русской мысли.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму»», 2017
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Раздел первый

Революционная мысль в ее истоках и последствиях

Борис Межуев
Столкновение революций
11

Александр Павлов
Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека
21

Олег Матвейчев
Великая антиправославная революция
35

Михаил Маслин
Идеи революции в истории русской мысли. Мифология и реальность
44

Раздел второй

Контрреволюция как «умное делание»

Арина Мещерякова
Русские консерваторы и европейские революции 1848–1849 годов
61

Александр Котов
«Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике
второй половины XIX – начала XX вв.
68

Андрей Тесля
Воспитание историей французской революции
76

Алексей Козырев
Революция в категориях Божеского и человеческого
87

Алексей Гапоненков
Онтологизм консервативной мысли: С.Л. Франк. Консерватизм и радикализм
100

Раздел третий

«Русская идея» в пореволюционной инкарнации

Александр Ципко

Бердяев и революция: парадоксы критической апологетики
109

Василий Ванчугов

Большевизм в «зеркале» Евразийства: в поисках языка описания
131

Николай Работяжев

Левый консерватизм: ностальгия по утопии?
142

Станислав Смагин

«Сменовеховство» и национал-большевизм: опыт революциодицеи
155

Обзоры и рецензии

Василий Щипков

Пять революций. Современные идеологические подходы к оценке 1917 года
165

Аркадий Минаков

Левый консерватизм сегодня: о книге Александра Щипкова «Социал традиция»
175

Пять революций. Современные идеологические подходы к оценке 1917 года

Настоящая статья посвящена современному дискурсу 1917 года – тому, как различные оценки этой темы в текущих публичных дискуссиях отражают современный идеологический ландшафт в России и за рубежом. Наследие 1917 года важно анализировать не только с точки зрения исторической науки, но и с точки зрения влияния этой темы на современные информационные и мировоззренческие процессы. Слишком много актуальных тем вращается сегодня вокруг этой даты: оценки советской довоенной истории и сам феномен советской власти, предпосылки и итоги холодной войны, политика десоветизации, аналогии между 1917 годом и современными цветными революциями, споры о допустимости революции как методе преобразования общества. В результате тема 1917 года стала способом мыслить и рассуждать о сегодняшнем дне, а разные подходы к ней формируют разные картины современности и разную политическую этику.

Задача настоящей статьи – собрать и классифицировать современные политические и мировоззренческие оценки событий 1917 года; цель – уловить с их помощью линии и направления актуальных идеологических процессов.

На основе оценок Февраля и Октября, а также феномена советской власти и феномена революции можно выделить следующие идеологические подходы к 1917 году в современном информационном пространстве: классический либеральный, неолиберальный, подход западных социалистов, подход российских социалистов, традиционалистский подход. Большинство появляющихся высказываний на тему 1917 года,

можно распределить по этим категориям. Более того, они не являются статичными и подвержены изменениям.

Классический либеральный (правый) подход

Исторически важное место в современных западных источниках сохраняет подход, сформировавшийся в годы холодной войны. Точнее всего его можно назвать классическим либеральным, так как он исходит из ценностей рыночной экономики, демократии и гражданских свобод. Он основывается на убеждении, что Февральская революция была для России добром, а Октябрьская – абсолютным злом.

Этот подход отстаивает идею, что Февральская революция была по своим ценностям революцией «европейской», которая несла народу России надежду на демократические преобразования по западным образцам. При этом сторонниками этого подхода утверждается, что Февральская революция давно вызревала в обществе и была неизбежна: происходило падение авторитета власти, церкви, армейского командования. Протестная волна двигалась снизу, была обусловлена внутренними болезнями [Piontkovsky]. Никаких масонских и иных заговоров не было, роль Запада в этих процессах была не определяющей. Здесь же звучит мысль, что Октября можно было избежать, если бы удалось раньше провести выборы в Учредительное собрание, выйти из войны и если бы Временное правительство смогло объединить под своим началом широкую левую коалицию.

Причины краха Февральской революции в рамках этого подхода называются те же, которые распространены и в советской историографии. Современный британский историк С. Бэдкок на сайте Би-Би-Си определяет их так: «Главная причина – разрыв между простыми людьми, трудящимися, народом, если хотите, и политической элитой. Новые правители не смогли понять нужды и потребности рядовых русских людей» [Бэдкок].

Противоположная оценка даётся революции Октябрьской, которая описывается как беда России, конец демократических начинаний, начало эпохи террора и тоталитаризма. Либеральный подход обозначает её как «антиевропейскую» революцию, закрывшую для России окно в Европу [Does Russia Belong to Europe?].

Фигуры императора Николая II и членов его семьи в классическом либеральном подходе не имеют принципиального значения: царя принято жалеть, но не рассматривать как важную историческую и политическую фигуру. Эпоха дореволюционной России воспринимается эмоционально: «Россия, которую мы потеряли». В идее «потерянной» России здесь больше ненависти к советской власти, чем ностальгии по ушедшей эпохе.

В ряде стран Восточной Европы и постсоветского пространства, где в ход периодически пускается агрессивная антисоветская риторика, за идеологическую основу также берётся этот классический либеральный подход. При этом молодые проевропейские правительства, как правило, упрощают его под свои нужды: в публичной риторике полностью опускается тема Февраля, а основное внимание фокусируется на Октябре, деятельности большевиков и их преступлениях. Это направление мысли является базовой конструкцией, обслуживающей до сих пор политику десоветизации во всех её проявлениях. Рано или поздно этот подход, проистекающий из логики холодной войны, неизменно порождает идею о необходимости проведения «трибунала» над советской историей («вышедшей из Октября») и юридического её осуждения.

Среди российских фабрик мысли, транслирующих классический либеральный подход, можно, например, выделить «Московский центр Карнеги», в публикациях которого Февраль 1917 года называется «несбывшимися надеждами на либерализацию» [Shevtsova].

Итак, в классическом либеральном подходе принципиально выделяются две революции – Февральская и Октябрьская. Первая описывается как позитивное явление, второе – как негативное. Октябрь здесь предстаёт как следствие неудачи Февраля. Но наиболее трагический момент истории при таком подходе заключается не в самом Октябре и даже не в его тяжёлых последствиях, а в «упущенных возможностях» Февраля, который не смог удержать власть и не успел сформировать устойчивую систему государственного управления.

Неолиберальный подход

После распада СССР постепенно перестали быть актуальными и востребованными противопоставления Февраля Октябрю, а также поиски исторических сценариев, объясняющих, как можно было бы избежать катастрофы и направить энергию 1917 года в мирное русло. Мечты о продолжении реформ Февраля и демонизация Октября перестали действовать: выросли поколения, которых уже ничего не связывает не только с 1917 годом, но и самой советской эпохой. К тому же закончилась советская информационная политика по возвеличиванию Октября, и, как следствие, стал гаснуть конфликт между Февралём и Октябрём. Лишившись своего движущего противоречия, бывший либеральный подход был вынужден зациклиться на простой иррациональной ненависти ко всему советскому, уже не руководствуясь никакой логикой. Несмотря на кажущуюся его эффективность, у него исчезли перспективы: накачка ненавистью без позитивных предложений не может работать вечно.

Поэтому с утверждением на постсоветском пространстве новых проевропейских режимов и началом эпохи цветных революций эстафету взял неолиберальный подход, который стремится остановить угасание либерального подхода через сакрализацию самой идеи революции.

Неолиберальный подход – амбивалентный, двойственный. В целом сохраняя парадигму либерального взгляда, он реже говорит «о двух революциях» и смещает центр своего внимания на события Октября. Далее он совершает свой главный идеологический акт: Октябрьская революция исторически и морально отделяется

от всей последовавшей за ней политики большевиков, происходит противопоставление идеи революции политике большевизма. Таким способом этот подход определяет революцию как исторически объективный и необходимый феномен в жизни общества и одновременно очерняет реальную ситуацию в советской России, клеймит лидеров большевистского движения.

Однако и на этом неолиберальный подход не останавливается. В настоящее время проводники этого подхода осуществляют следующую операцию: отделяют теорию большевистской социал-демократии от её реальных практик в России. Большевистская социал-демократия характеризуется неолибералами негативно только в том объёме, в каком она была «искажена» российской действительностью, большевизмом и фигурами Ленина и Сталина. Сами же по себе социал-демократические идеи, вышедшие из европейской философской мысли, признаются и оцениваются позитивно, как несущие демократические свободы. В конечном итоге это делается для того, чтобы оправдать и превознести саму идею революции, объявить её важнейшим событием в жизни общества.

Неолиберальный подход к теме 1917 года основывается на поиске революционного нерва в современном информационном пространстве, без особого внимания на то, в каких исторических или культурных декорациях этот нерв проявляется. Прямо или косвенно идею революции поддерживают все категории спикеров и авторов,двигающихся в неолиберальном мейнстриме, независимо от их политических взглядов.

Если говорить о России, то среди ярких примеров неолиберального подхода можно отметить позицию историка И.Б. Чубайса, который отмечает, что историческая Россия и Советский союз являются «взаимоисключающими государствами», выступает за «Русский Нюрнберг» и возвращение к «исторической России до 1917 года» любыми, в том числе революционными методами. Отнести к этой же категории можно с рядом оговорок историка А.Б. Зубова, который отстаивает необходимость пересмотра итогов Гражданской войны в России в пользу белых, демократических сил и выражает желание, как и И.Б. Чубайс, произвести откат общественной мысли в состояние накануне 1917 года, пускай даже революционными метода-

ми. Революционный нерв виден и в рассуждениях историка и политолога Ю.С. Пивоварова, который отстаивает точку зрения, что приход в 1917 году к власти большевиков привёл к появлению отрицательного антропологического типа – «хомо советикуса», который, по его словам, до сих пор доминирует в России и которого необходимо изжить, чтобы избавиться от источника различных социальных проблем и войти в европейское культурное пространство.

Неолиберальный подход частично использован и в интернет-проекте «Свободная история», запущенного в конце 2016 года (главный редактор М. Зыгарь), где в исторических декорациях чёрного юмора, отсутствия моральных сил и ориентиров, беспомощности перед будущим, упадничества и восторженного безумия изображается картина духовно и интеллектуально агонизирующей страны, которую может исправить только роковая и очищающая революция. Подобные проекты о революции стремятся оживить и воспроизвести революцию, сделать её снова реальностью – «это способ оживить прошлое и приблизить его к настоящему» [1917. Свободная история].

Было бы однако несправедливым утверждать, что «дух революции» манит, например, только сторонников преобразования общества по европейскому образцу, сторонников условных «Майдана» и «Болотной». Революционный нерв иногда присутствует и на противоположной стороне баррикад, на условной «Поклонной горе». «Революционером» по духу в определённой степени является и С. Кургинян, который риторически возрождает идею классического левого советского проекта и желал бы «перезагрузить» СССР в исправленной и доработанной версии «2.0». Или А. Проханов, для которого важнейшей поворотной (фактически, революционной) вехой русской истории стала фигура Сталина. Сталин у Проханова – это явление постмодернистского порядка, это национал-имперская контрреволюция и революция одновременно.

Революционный настрой встречается и у монархистов-патриотов, и у защитников наследия белого движения. В издании РИСИ «Столетие великой русской катастрофы 1917 года» утверждается, что 1917 год привёл к окончательному и непоправимому слову национального кода рус-

ского народа, но что при этом белое движение не потерпело окончательного поражения, его настоящая идеология – православие, а белый вождь – царь. Такая «антиреволюционная» риторика, призывающая к пересмотру результатов 1917 года, к историческому реваншу, сегодня тоже работает в «революционной» парадигме.

Все перечисленные выше спикеры являются приверженцами неолиберального подхода к событиям 1917 года, несмотря на то, что в политическом противостоянии могут быть противниками друг друга. Они пытаются через исторический материал оживить революционный нерв и транслировать его в наши дни.

На Западе в медийном пространстве палитра идей и образов, связанных с темой 1917 года, в настоящее время также вращается вокруг превозношения самой идеи революции, в отрыве от собственно конкретно-исторических споров. Именно такой подход организаторы положили в основу выставки «Революция: русское искусство 1917–1932», которая открылась в феврале 2017 года в лондонской Королевской академии художеств, где был показан «романс революции» [В Лондоне открылась выставка, посвящённая русской революции 1917 года], воодушевляющий человека и устремляющий его вверх, в будущее.

Современная неолиберальная мысль не просто оправдывает 1917 год и современные «цветные» революции. Её предел оправдание революции, через наполнение этой идеи глубоким религиозным смыслом: *«Революция – единственный способ для таких людей (избранного меньшинства – прим. В.Щ.) прикоснуться к Истории: не наблюдать её со стороны, а творить её. И неважно, каким окажется результат подобного творчества. Ощущение причастности к чему-то гораздо, гораздо большему, чем ты сам, останется на всю жизнь – как самая сильная эмоция, самое сильное чувство, пережитое человеком.*

С психологической точки зрения революция – попытка человека радикально обновить мир и столь же радикально обновиться самому. И в стремлении к ней, в своём революционном действии человек на мгновение уподобляется богу» [Соловей 2016].

Главная цель неолиберального подхода – сделать так, чтобы люди снова почувствовали

дурманящий запах революции, и не важно, что одни будут мстить за царя и мечтать о монархии, другие – мечтать о восстановлении СССР, третьи – искать религиозные оправдания современным акциям протеста.

Подход западных социалистов (левых)

Классическому либеральному подходу к теме революции на Западе, как и в советской России, традиционно противостоял левый взгляд на революцию.

Взгляд западных левых на события 1917 года формировался в XX веке одновременно с правым (классическим либеральным). Он зиждется на трёх утверждениях: что Октябрьская революция – безусловное историческое достижение и благо, что февральские события в России должны рассматриваться лишь в контексте Октября, а не как отдельная революция, и что власть большевиков в России, начиная со Сталина, имела мало общего с социалистическими идеалами.

Показательным примером является риторика фонда «Розы Люксембург», аналитического центра, аффилированного с немецкой «Левой» партией [Die Russische Revolution 1917]. Центральным пунктом этой риторики является утверждение, что в современном (либеральном) дискурсе доминирует ошибочный подход: Февральская революция оценивается в его рамках позитивно по причине её буржуазной природы, которая соответствует буржуазной природе современного общества, тогда как пролетарская Октябрьская революция и коммунистические деятели её свершившие рассматриваются нынешним правым истеблишментом как «воплощения терроризма и насилия», а социалистический строй как «априори бесчеловечный». По утверждению руководства Фонда, это происходит, потому что историю пишут победители. На это «Роза Люксембург» предлагает классический левый ответ: революция была одна и продолжалась непрерывно с февраля по октябрь, она была в чистом виде социалистическая, пролетарская и осуществлялась по теории марксизма, она была безусловным положительным явлением в жизни России и Европы. Далее Фонд утверждает, что одна из главных теоретических задач современных левых – найти ответы на сложные

вопросы, связанные с осмыслением 1917 года: почему практика революции не всегда соотносится с теорией, какой террор, «красный» или «белый», был первичным, почему впоследствии была искажена политическая линия Ленина и кто в этом виноват. На сегодняшний день клубок этих вопросов во многом распутывается путём обращения к личности Сталина: Сталин в интерпретации европейских левых – террорист и антикоммунист, Ленин – выдающийся теоретик революции и деятель левого движения, не ответственный за политику своего последователя.

Квинтэссенцией подхода европейских левых к 1917 году является утверждение, что социалистическая революция – это всегда положительное явление, тогда как Советский Союз – не являлся подлинным социалистическим государством и был омрачён многими преступлениями.

Почти в тех же выражениях о 1917 году говорят многие западные левые. Например, авторы ресурса «Marxist.com» [Woods]. Или британские писатели Т. Сандерс (T. Sanders) и Дж. Ньюсингер (J. Newsinger), подготовившие к столетию революции в России графический роман «1917: красный год России» («1917: Russia's Red Year») [Socialist Worker 2016]. Выражение «западные левые» в данном случае обозначает не столько географическую, сколько ценностную характеристику. «Западные левые» – наследники и поборники чистоты академических левых идей, сформулированных в европейской философской мысли. Поэтому такого же взгляда придерживаются и российские классические, «западные» левые, наиболее ярким представителем которых является политолог, директор Института глобализации и социальных движений Б.Ю. Кагарлицкий [Кагарлицкий 2013].

Описываемый подход чаще лежит в основании идеологии «старых», классических европейских левых. Их тезисы начинаются с утверждения, что Октябрьская революция, как и любая социалистическая революция, есть благо, и заканчиваются утверждением, что СССР не является примером правильного социалистического государства. Однако и так называемые новые левые продолжают воодушевляться идеей революции – мечтой о низвержении иерархии глобального капитала и о реванше за большой период истории, начинающийся с эпохи геогра-

фических открытий. Для новых левых идея революции ещё более широкое понятие, чем для старых. Новые левые уже без особенного интереса смотрят на события 1917 года, для них не существует спора между Февралём и Октябрём и по большому счёту между Лениным и Сталиным. История Советской России является для них периферийной и неинтересной, поскольку они видят в СССР структурную вторичность по отношению к Западу, видят в нём искусственный противовес, который своим существованием лишь помог укрепиться западной глобальной финансовой системе.

Несмотря на существующие различия между старыми и новыми левыми, оба эти движения объединяет однозначно положительное отношение к самому феномену революции, что в идеологическом пространстве приближает их сегодня к неолиберальному подходу.

Подход российских социалистов (левых)

Современные российские левые и российские социалисты, в отличие от «западных» левых, это те партии и мыслители, для которых исключительную ценность представляет память о советском социалистическом проекте и Великой Октябрьской социалистической революции. В отличие от западных левых они негативно относятся к Февралю, а положительно оценивают не только ленинскую эпоху, но и весь последующий советский период.

Наиболее ярким представителем этой позиции является КПРФ. Риторика российских коммунистов по многим пунктам совпадает с западными левыми: Октябрьская революция – это продолжение «буржуазного» Февраля, она была теоретически обоснована Марксом и Энгельсом, её осуществил Ленин – гениальный мыслитель и величайший политик, она была не «верхушечным переворотом», а результатом закономерного и предсказанного исторического процесса по переходу общества к более справедливой, прогрессивной формации, она произошла на фоне «объективных условий» того времени (Первая мировая война), Российская империя была обречённым государством, Октябрьская революция – благо для страны [Интервью Зюганова агентству Синьхуа].

Однако эти тезисы составляют лишь первую часть риторики КПРФ, которая продолжается риторикой советско-патриотической, совершенно чуждой любым «западным» левым. Если для европейских социалистов 1917 год является ценнейшим эмпирическим опытом, во многом подтверждающим теорию Маркса, которую можно учитывать и использовать в будущем, то для КПРФ Октябрь 1917 года – важнейшая, единственная и неповторимая веха мировой истории: в сознании российских левых другого Октября никогда не будет. Они хранят память об этом событии как о центральном и сакральном, как о фундаменте, без которого России закончила бы своё существование.

Ключевой момент этой риторики заключается в смысловом объединении двух дат: 1917 года и 1945 года. КПРФ устами своего лидера последовательно продвигает тезис, что без Октябрьской революции была бы невозможна победа над Германией и разгром Японии в 1945 году, дальнейшее восстановление народного хозяйства, создание ракетно-ядерного паритета с США, полёт в космос [Интервью Зюганова агентству Синьхуа].

КПРФ в постсоветской России выполняет важную историко-культурную функцию: она цементирует историю советского периода на отрезке между двумя разрывами в 1917 году и 1991 году, пытаясь не допустить возникновения новых разрывов внутри этого периода. Главным образом сопротивляется попыткам создать новый исторический разрыв в точке 1937 года, по-своему отделяющей «хорошую» советскую историю от «плохой». Поэтому лидеры российских коммунистов видят одинаковую опасность в пересмотре результатов революции 1917 года и Великой Отечественной войны, в сносе памятников Ленину и памятников советским солдатам.

Главное для КПРФ – положить в основание российской традиции советскую историю цельной плитой: именно советская история, лежащая на двух опорах – Октябрьской революции и Победе над фашизмом – по логике КПРФ, должна стать фундаментом не просто общественно-политической мысли, но мысли философско-теологической. Квинтэссенция традиции по КПРФ: «Нам надо поклониться большевикам, которые спасли страну» [Политики Вести].

Несмотря на узость такого представления о традиции, включающего в себя коммунистические и советские образы, но оставляющего на периферии более другие, в том числе религиозные пласты русской культуры, оно периодически становится популярным в обществе, особенно на фоне обострения информационного напряжения со старым либеральным Западом.

Когда на Украине и в других странах сносят памятники Ленину, в России в самых разных политических, религиозных и социальных слоях это нередко воспринимается как акт русофобии. Общество часто воспринимает это так: Ленина сносят не потому, что он большевик, а потому что он русский деятель. Попытки сохранить советскую историю, как часть русской истории, приводят к стремлению защищать всё советское как часть русской исторической традиции. Это естественная ответная реакция – защита от посягательств ревизионистов фактов советской истории по причине того, что это факты «нашей истории»¹.

К идейной платформе КПРФ сегодня приходит каждый, кто использует советские исторические декорации как основное средство для описания исторической традиции России.

Такого же взгляда на 1917 год зачастую придерживается и социал-демократическая партия «Справедливая Россия»: «Если мы говорим о феврале, это была трагедия. А если мы говорим об октябре, то все-таки это была Великая Октябрьская революция» [Политики Вести]. В этом она повторяет КПРФ, несмотря на все свои отличия от этой партии. Однако в идеологии «Справедливой России» есть и свои особенности. Поскольку первоначально она строилась по образцу современных левых европейских партий, в её риторике появляются соответствующие западному лево-либеральному дискурсу утверждения: о том, что социалистические идеалы Октября не были воплощены в советской действительности и что достижения советской власти не могут оправдать «ни террор, ни массовые репрессии» [Октябрь 1917. Современное прочтение истории]. В риторике «Справедливой

¹ Одним из ярких примеров такой позиции является публикация политолога Виталия Третьякова «Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года» [Третьяков Свободная пресса].

России» присутствуют при этом и ноты традиционалистского подхода, отрицающего всякие революционные методы [Октябрь 1917. Современное прочтение истории].

Такая идейная эклектика и противоречивость свойственна не только отдельным политическим партиям, но и в целом социалистической идеологии в современной России.

Традиционалисты

Помимо перечисленных выше подходов к оценке событий 1917 года и самого феномена революции сегодня можно встретить особую точку зрения, которую следует выделить в отдельную категорию, – традиционалистскую. Её нельзя назвать консервативной, так как она не консервирует некую часть истории, а является надисторической и апеллирует к христианскому мироощущению. В современной России этот подход встречается не только в интеллектуальной среде, но и в общественном сознании. Он гласит, что революция всегда несёт зло и делается злой волей, под какими бы лозунгами она ни проводилась, а её средства никогда не оправдывают цели. Эта мысль глубоко укоренена в русском сознании, а после перестройки, распада СССР и вхождения России в эпоху нестабильности стала осознаваться отчётливо. Сам термин «революция» стал ассоциироваться с неolibеральной идеологией и политикой западного интервенционизма.

В начале 2010-х, на фоне попыток осуществить в России цветную революцию и с началом украинского кризиса этот подход укрепился как в российском обществе¹, так и в российском официальном политическом языке.

В новой, постсоветской реальности традиционалистский подход к оценкам 1917 года одним из первых сформулировал А. Солженицын. В 1995 году он опубликовал статью «Размышления над Февральской революцией», в которой озвучил идею, что и Февральская и Октябрьская революции являются «переворотами», одинаково

во трагичными и неоправданными. Говоря о Февральской революции, Солженицын отмечал, что она «была духовно омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи её были плоски, а руководители ничтожны». И добавляет, что «Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошёл как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания». В этом Солженицын винит стечения исторических обстоятельств и слабость народного духа, бывшего не способным рассмотреть угрозу революционной стихии и противостоять её натиску.

Октябрьская революция для Солженицына является следствием февральских событий и отречения царя. Но и на Октябре для него революция не заканчивается: он предложил называть революцией весь период с 1917 года по начало 1930-х – «величайшей кровавой необратимой революцией всемирного значения» [Солженицын Родина 2017]. В этой статье виден Солженицын-традиционалист, который уже не столько обличает большевизм, сколько ищет объяснения исторических разрывов в русской истории XX века.

В современной официальной политической риторике в России чаще всего используется именно такой взгляд на революцию 1917 года, признающий её важное историческое значение, её объективные социальные и политические предпосылки, но оценивающий её как явление негативное. Основной посыл выступления В. Путина перед Федеральным Собранием в 2016 году – не использовать историю 1917 года для воспроизведения революционных идей в наше время: «Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки» [Послание 2016].

Традиционалистского подхода к оценке 1917 года придерживается и Русская православная церковь, где он не закреплён документально, но проявляется и ощущается весьма отчётливо. Особенность церковного взгляда состоит в том, что он внепартийный и шире – надполитический.

¹ Согласно опросу ФОМ от 2010 года более половины россиян негативно относятся к самому феномену революции (к «революции вообще») (<http://bd.fom.ru/pdf/d03knr11.pdf>). По данным опроса ВЦИОМ от 2016 года 94% россиян не хотели бы повторения «Майдана» в России (https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1058&q_id=73180&date=14.02.2016).

С одной стороны, Церковь встретила революцию Поместным Собором 1917–1918 годов и восстановлением патриаршества – важнейшими событиями в своей жизни со времён Петра I, безусловно, призванными укрепить Церковь после длительного синодального периода. С другой стороны, в это же мгновение Церковь в России вступила в наиболее сложный и трагический период своей истории, подверглась физическому уничтожению со стороны агрессивной секулярной идеологии, что привело к появлению глубочайшего в своей трагичности и монументального по значимости явления – православного новоченичества.

На XXV Международных Рождественских образовательных чтениях «1917–2017: уроки столетия» устами Патриарха Кирилла впервые была озвучена развёрнутая позиция Церкви по отношению к 1917 году. Революция и последовавшие за ней события были названы Патриархом «трагическими испытаниями», «трагедией народа», «горнилом искушений», «моментом истины». Не только 1917 год, но и сам феномен революции Патриарх оценил как однозначно негативное явление и поставил его в один семантический ряд с терминами «война», «геноцид», «катаклизм». Патриарх подчеркнул, что сам по себе 1917 год не был причиной бед Церкви, народа и государства, а стал следствием глубоких внешних социальных противоречий и, что более важно, внутреннего, духовного кризиса общества.

Позиция Церкви, будучи традиционалистской, отличается от других подходов принципиальным отказом видеть в революции положительные черты (какие бы реальные и объективные предпосылки ей ни предшествовали). В православном сознании 1917 год являлся отнюдь не актом духовного обновления общества и личности, а болезнью, трагическим моментом истории, попущенным Богом за человеческие грехи, а также предельной проверкой христиан на прочность: «Революционные испытания стали моментом истины для многих, но особенно для тех, кто некогда посвятил себя Богу. Кто-то отпал, не выдержав натиска гонений, но многие в этом горниле искушений обрели ту полноту веры и готовность идти ради Христа на смерть» [Доклад Святейшего Патриарха Кирилла].

Традиционалистский взгляд на революцию 1917 года и на феномен революции вообще постепенно развивается и в современной западной философской мысли. Такой подход одинаково не приемлет революцию буржуазную, социалистическую или цветную. В основном его придерживаются те мыслители и интеллектуальные центры, которые стоят на позициях, близких к традиционному христианству, а также выступают против доминирования в современном мире секулярных ценностей (см. например, труды А. Макинтайра, Дж. Милбанка, А. Пабста, авторов «Solidarity hall»).

Таким образом, центральными направлениями современного дискурса о 1917 годе, как представляется, являются неолиберальное и традиционалистское.

В сторону неолиберального двигаются классический либеральный и «западный» левый взгляды. Неолиберальный подход всё меньше интересуется Февралём и всё большее внимание уделяет Октябрю, оправдывает Октябрь, считает сам феномен революции положительным и важнейшим историческим механизмом прогресса и развития общества, а революционную теорию настойчиво отделяет от её трагических практик.

Традиционалистский подход лежит в основе официальной риторики российской власти, позиции Церкви и российского общественного сознания. Он укрепляется как ответная реакция на международную нестабильность и рост локальных конфликтов, в детонации которых зачастую участвуют именно революционные механизмы. В его основе лежит тезис, что революционные методы являются порочными по своей природе.

В наиболее сложном и противоречивом состоянии находятся российские левые. С одной стороны, многие из них придерживаются традиционалистского взгляд на историю России как на единый и неделимый процесс, с другой – под влиянием КПРФ характеризуют Октябрьскую революцию как положительное и важнейшее явление в истории страны и мира. Это позволяет предположить, что мировоззренческое ядро российских левых (и в первую очередь КПРФ) в будущем может расколоться на две части: традиционалистскую и «западную» левую. Первые в этом случае будут в большей степени отстаивать идеи непрерыв-

ности российской истории, христианской этики, социальной справедливости, защищать память о советском патриотизме, но принципиально осуждать любые революционные методы в политике. Вторые, «западные» будут также выступать за идеалы социальной справедливости, но характеризовать революцию преимущественно как благо и придерживаться неолиберальных ценностей в вопросах этики, религии, семьи. В статье не был отдельно рассмотрен правый

политических лагерь в России, но и в нём существует линия этого разделения.

Столетие революционных событий 1917 года и начавшиеся дискуссии предлагают ещё одну точку зрения на современный идеологический ландшафт в России, выделяя в нём сторонников и противников революции как морально оправданного способа политического действия, революции как образа мысли. На приверженцев неолиберализма и традиционализма.

Литература

- Бэдкок С. Февраль 1917-го. Нестолничная революция [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6423000/6423259.stm (дата обращения: 20.04.2017).
- В Лондоне открылась выставка, посвящённая русской революции 1917 года [Электронный ресурс] // НТВ. 2017. Режим доступа: www.ntv.ru/novosti/1759018 (дата обращения: 20.04.2017).
- Выступление Сергея Миронова на конференции «Октябрь 1917. Современное прочтение истории» [Электронный ресурс] // Справедливая Россия. 2012. Режим доступа: www.spravedlivo.ru/5_45467.html (дата обращения: 20.04.2017).
- Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений [электронный ресурс] // Patriarchia.ru. Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html> (дата обращения: 20.04.2017).
- Интервью Председателю ЦК КПРФ Г.А. Зюганова агентству Синьхуа [Электронный ресурс] // КПРФ. 2016. Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/sknews/154154.html> (дата обращения: 20.04.2017).
- Кагарлицкий Б. Революция 1917-го радикально изменила весь мир [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 2013. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/society/07-11-2013/1181206-revolution-0/> (дата обращения: 20.04.2017).
- Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685> (дата обращения: 20.04.2017).
- Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 2016. Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53379 (дата обращения: 20.04.2017).
- Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Родина. 2017. Специальный выпуск, февраль 2017.
- Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016.
- Третьяков В.Т. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года [Электронный ресурс] // Свободная пресса. Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/165229/> (дата обращения: 20.04.2017).
- Что такое «1917. Свободная история»? [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. Режим доступа: <https://project1917.ru/about> (дата обращения: 20.04.2017).
- Die Russische Revolution 1917 in der aktuellen Debatte [Электронный ресурс] // Rosa Luxemburg Stiftung. 2010. Режим доступа: www.rosalux.de/news/36815/die-russische-revolution-1917-in-der-aktuellen-debatte.html (дата обращения: 20.04.2017).
- Does Russia Belong to Europe? [Электронный ресурс] // Center on Global Interests. 2016. Режим доступа: globalinterests.org/2016/04/29/does-russia-belong-to-europe/ (дата обращения: 03.05.2017).
- Piontkovsky A. The Russian Spring Has Begun [Электронный ресурс] // Hudson Institute. 2011. Режим доступа: <http://hudson.org/research/8572-the-russian-spring-has-begun> (дата обращения: 20.04.2017).
- Shevtsova L. The Next Russian Revolution [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Center. 2012. Режим доступа: carnegie.ru/2012/10/30/next-russian-revolution-pub-50211 (дата обращения: 01.05.2017).
- Woods A. What the Russian Revolution achieved and why it degenerated [Электронный ресурс] // In Defence of Marxism. 2017. Режим доступа: www.marxist.com/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm (дата обращения: 03.05.2017).
- 1917 – Russia's Red Year is inspiring in full colour a century on [Электронный ресурс] // Socialist Worker. 2016. Режим доступа: <https://socialistworker.co.uk/art/43725/1917+++Russias+Red+Year+is+inspiring+in+full+colour+a+century+on> (дата обращения: 20.04.2017).

Аннотация. В статье анализируется, как различные оценки 1917 года в текущих публичных дискуссиях отражают современный идеологический ландшафт в России и за рубежом. Автор выделяет следующие идеологические подходы к теме 1917 года в современном информационном пространстве: классический либеральный, неолиберальный, подход «западных» социалистов, подход российских социалистов, традиционалистский подход.

Ключевые слова: дискурс 1917, революция, идеология, традиционализм, неолиберализм, социалисты, современное информационное пространство.

Vasiliy A. Shchipkov, Ph.D. in Philosophy, Director, Russian Expert School, Moscow. E-mail: vas.ship@mail.ru

Five Revolutions. Modern Ideological Approaches to the Evaluation of the Revolution of 1917

Abstract. The article examines how various evaluations of the revolution of 1917 in current public discussions reflect modern ideological landscape in Russia and abroad. The author singles out the following ideological approaches to the issue of 1917: classic liberal, neoliberal, the approach of “western” socialists, the approach of Russian socialists, traditionalistic approach.

Keywords: Discourse of 1917, Revolution, Ideology, Traditionalism, Neoliberalism, Socialists, Modern Information Space.